

Из писем Н.В. Измайлова к П.Е. Матвиевскому

Публикация Г.П. Матвиевской

Во время пребывания Н.В. Измайлова в Оренбурге (тогда — Чкалове) и работы в педагогическом институте у Николая Васильевича сложились теплые и дружеские отношения со многими из сотрудников. К их числу принадлежал историк Павел Евмениевич Матвиевский (1904—1987) — профессор Оренбургского педагогического института, автор работ по истории Оренбургского края и отношений России с Казахстаном и Средней Азией в XVIII—XIX вв. Н.В. Измайлова и П.Е. Матвиевского сближали интерес к крестьянскому восстанию под водительством Е.И. Пугачева. Эта тема впоследствии отразилась в работах Н.В. Измайлова «Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки»» и «Об архивных материалах Пушкина для «Истории Пугачева». На них П.Е. Матвиевский откликнулся печатными рецензиями.

После отъезда из Оренбурга Н.В. Измайлов поддерживал с П.Е. Матвиевским постоянную связь. Переписка между ними не прерывалась до самой кончины Николая Васильевича. Ниже приводятся некоторые письма Н.В. Измайлова к П.Е. Матвиевскому, относящиеся к 1960—1978 гг.

24.IV.1960 г.

Дорогой Павел Евмениевич,

сердечно поздравляю с праздником 1-го Мая, желаю всяческого добра и благополучия, главное — побольше здоровья и бодрости, Ксении Яковлевне и Вам.

Посылаю Вам некоторые плоды моих трудов, из только что вышедшего Пушкинского сборника, составленного под моей редакцией. Статья о Пугачевских материалах — результат (ча-

стичных) разысканий, делавшихся еще в бытность мою в Чкалове, во время поездок в Москву и Ленинград. В сущности, это только вступление, а написано ли будет все исследование — сказать не берусь.

Очень давно не имею от Вас известий и был бы очень рад получить письмо. Как Ваше здоровье? Как Вы живете? Работаете ли? Собираетесь ли сюда? Как бы хорошо было здесь встретиться!

Я очень много и многообразно занят. Принимаю ближайшее участие в подготовке предпринятого Пушкинским Домом Академического издания сочинения и писем И.С. Тургенева — 15 томов сочинений и 13 томов писем! Это — большая и хлопотная нагрузка на пять лет вперед, не снимая других работ, по Пушкину и прочее. Наталья Александровна очень бы хотела, чтобы я вышел на пенсию и стал «вольным литератором», но мне еще не хочется покидать Пушкинский Дом с его суетой — утомительной, но для меня интересной. Самое большее, на что я решусь — это отказаться от заведывания Рукописным отделом, т.е. организационной и административной работы, да и то не сейчас.

До свидания, дорогой Павел Евмениевич, напишите же мне и передайте мой сердечный привет Ксении Яковлевне.

Ваш Н.Измайлов

20.XI.1960 г.

Дорогой Павел Евмениевич, прежде всего, должен я очень, очень сердечно благодарить Вас за интереснейшее и такое дружественное ко мне письмо, полученное мною уже более месяца назад; также от всей души благодарю Ксению Яковлевну и Вас за поздравление к празднику. Теперь уже время прошло — но примите и Вы оба мои запоздалые поздравления. Вместе с тем — и это главное — простите меня великодушно за то, что так долго не отвечал на эти письма и вообще давно не писал Вам. Не думайте, что я Вас забыл, что я не хотел Вам писать: не было дня в этот месяц, чтобы я не думал сесть за письмо — а все не садился! Причину этого — но, конечно, не оправдание — Вы увидите из рассказа о моей жизни в последние месяцы. И прежде чем отзываться на Ваше письмо — на грустные сведения о Вашем здоровье и Вашей работе, на интересные сообщения о жизни Оренбургского пединститута, о Ваших семейных делах, —

я хочу, чтобы отделаться от этой, не очень интересной, а в ином и малоприятной материи — рассказать о том, как мы, Наталья Александровна и я, прожили этот год и живем сейчас.

Хорошо у нас то, что Наталья Александровна, в самый день своего рождения, в июне, когда она достигла пенсионного срока, вышла на пенсию (о чем я мечтал и желал для нее). Ее очень тепло и торжественно проводили в ее ИЭМ (Институте экспериментальной медицины), и теперь она — вольная гражданка. Это дает ей возможность уделять большее внимание и своей больной старушке-тете, и домашним делам; но кругом так много «опекаемых» ею, и старых, и молодых, что занята больше, чем прежде. Мы оба надеемся, что через некоторое время ей удастся вернуться к оставленной работе — к составлению «Летописи жизни и деятельности И.И. Павлова».

Лето мы провели — впервые за много лет — не выезжая далеко, а на даче под городом (в Мельничьем Ручье — на полпути к Ладожскому озеру). Там было очень хорошо — сосновый лес, озера, чудесный воздух, прогулки... Но близость города имела для меня свою отрицательную сторону: я не прекращал работу и постоянно, раз или два в неделю, ездил в свой Институт. В эти месяцы шли корректуры книги, выходящей под моей редакцией — «Пушкин в письмах Карамзиных» — и мне пришлось дважды, в двух корректурах, читать букву за буквой всю книгу, особенно — французские тексты, которые Академические издатели не умеют ни набирать, ни править. Недавно я подписал на выпуск сигнальный экземпляр — к концу ноября книга выйдет, к сожалению, очень малым тиражом — всего 5 тыс. экземпляров, — и я очень боюсь, что оренбургские магазины ее не увидят.

Но эта книга — моя, мое детище, и я рад был над ней работать. Зато огромной тяжестью лежит на мне 28-томное академическое издание сочинений и писем Тургенева. Издание — греха таить нечего — организовано с самого начала плохо, нет достаточного технического аппарата, время уходит, сдача томов запаздывает, потом — начинается лихорадка — потому что 175 тысяч подписчиков издания возмущаются, пишут письма и жалуются в самые высокие инстанции на то, что их «обманули». Я очень занят в издании — мне приходится в качестве редактора вести одновременно три тома писем Тургенева с большим и сложным аппаратом, которые все три легли на меня отчасти вследствие такой неожиданной для нас кончины Бориса Михайловича Эйхенбаума, годовщина кото-

рой исполняется на днях, — отчасти же потому, что главный наш редактор, академик М.П. Алексеев, не любит входить в мелочи черновой работы — а ведь на этих мелочах держится подобного рода издание!

Как бы то ни было, занятый выше головы Тургеневским изданием (кроме трех томов писем, я редактировал и первый том сочинений, тоже начатый незадолго до смерти Б.М. Эйхенбаумом), — я не могу делать ничего другого: не продолжаю пушкинских работ и даже уделяю меньше, чем нужно, времени Рукописному отделу. Наталья Александровна очень бы хотела, чтобы я бросил все и вышел на пенсию (ведь пенсионная книжка у меня давно лежит в столе) — но я не могу этого сделать, не выполнив обязательств по Тургеневу, это было бы равносильно бегству с поля сражения, каковым является наше тургеневское издание. Однако постепенно я буду из него выходить — ведь надо же подумать и о своих личных замыслах, хотя бы собрать свои пушкинские статьи и выпустить свой сборник, если не свою монографию.

Счастливым моментом в нашей жизни была недавняя поездка на юг. В середине сентября, скоро после получения Вашего письма, я был послан в командировку Пушкинским Домом — и знаете куда? В Крым, в Коктебель! Знаете ли Вы такое место? Знаете ли поэта Максимилиана Волошина, который жил там и умер почти 30 лет назад? Его вдова, которой теперь 72 года, составила завещание в пользу Пушкинского Дома — и вот я ездил знакомиться с ней и с наследием, которое нам достается. Вместе со мной ездила и Наталья Александровна — мы жили там в Доме творчества Литфонда, и в течение шести дней, с утра до вечера, рассматривали архив Волошина, его картины (он и поэт, и художник замечательный), его библиотеку... Впечатление огромное — как у всех, кто соприкасается с этим человеком и его творчеством. Погода была чудесная — с каждым днем все теплее, Наталья Александровна еще 26 октября купалась в море, а затем мы провели три дня в Симферополе (я поработал там в архиве) — так там было жаркое лето. Таким образом, мы были совсем близко от Вас, но попасть к Вам на Южный берег не могли бы, да и были уверены, что Вы уже уехали в Оренбург. Обратный путь от Коктебеля до Симферополя совершили на новенькой «Волге» одних знакомых (с которыми познакомились у вдовы М. Волошина), по изумительно красивой и совсем пустой дороге по берегу моря до Алушты, которой никто не знает. Вот где стоит прокатиться!

Что касается Тани, то она по-прежнему живет и работает врачом в Лодейном Поле (в 6-ти часах езды отсюда). Чувствует там себя хорошо, обжилась, ее ценят, она — депутат гор. совета, нар. Заседатель, предместкома. Летом она была в Смоленской области у сестры Анны Васильевны (тоже теперь пенсионерки), к нам приезжает нередко, но ненадолго. Вот Вам вся хроника нашей жизни.

Теперь обращусь к Вашему письму. Вы, дорогой Павел Евменьевич, написали мне так много интересного, — и печального, и забавного, — что трудно даже на все отозваться, как бы хотелось и как бы было нужно.

Огорчает меня очень то, что Вы пишете о вашем здоровье. Как подействовал на Вас Симеиз? Едва ли Вы достаточно им воспользовались, если работали по 5—6 часов в день? Неужели нельзя было хоть на это время отказаться от работы? Знаю, как это трудно для такого человека, как Вы, увлеченного своей наукой, а все же... И заочники Вас, конечно, утомляют чрезмерно. Я, в свое время, совсем здоровый, изнемогал от них в июльскую жару — а как же Вы? И как жаль и досадно, что ваши готовые работы консервируются и — естественно — стареют. О диссертации не жалейте: докторская защита берет так много сил и нервов, что лучше от нее отказаться и прожить подольше кандидатом (это и у меня так). Но жалко, если Ваша монография о русско-казахских отношениях, для которой Вы так много работали и так много сделали, останется ненапечатанной, хотя бы частично.

Благодарю Вас сердечно за предложение написать совместно статью о Кудряшеве, которая, как Вы хорошо пишете, была бы «свидетельством общности наших научных интересов, совместной работы и пребывания в Оренбурге». Это очень заманчиво и интересно, но — совершенно невозможно для меня, по крайней мере, на ближайшие год — два: ведь я так перегружен работой по Тургеневу, что не в состоянии выполнять даже плановых заданий по Пушкинскому сектору и скоро, пожалуй, получу выговор в приказе за невыполнение плана (вместо награды, о которой Вы пишете!). Словом, от этого приходится отказаться.

Как это Вы не смогли отделаться от неприятной и хлопотной должности зав. кафедрой? Неужели не нашлось ни одного любителя администрировать, чтобы Вас освободить для научной работы: ведь Вы — самая крупная научная сила не только на Вашей кафедре, но, думаю, на всех гуманитарных кафедрах.

рах института. И очень жаль, что Вам приходится тратить время и силы на кафедральные дразги, которых всегда много.

В каком издательстве будет печататься Ваша работа об Отечественной войне 1812 года? Если я правильно понял — то в Оренбурге? Это очень хорошо, и Вам будет легче наблюдать за изданием, чем если бы печаталось в Москве: теперь и «на периферии» научились издавать не плохо — не знаю, как у Вас (стоит ли еще А.П. Назаров, наш выпускник 1948 г., во главе издательства?).

Многочисленные и неосуществленные планы многотомных научных изданий вашего института, о которых Вы пишете, — меня не удивляют: та же картина и у нас и, думаю, везде. Жаль только, что эта неблагодарная работа падает на таких безотказных работников, как Вы, и отвлекает от прямого дела; но и это — картина знакомая. А издать научную, документированную историю г. Оренбурга было бы очень интересно и полезно. И неужели Ваша, уже написанная глава останется неопубликованной?

То, что Вы сообщаете о нашем пединституте — очень для меня интересно. Я давно-давно не имел оттуда известий — переписка моя с С.М. Лубэ идет не часто и не ровно, давно хочу ему написать и все не соберусь; Иван Трифонович тоже не писал мне давно, а Бардин, который, хоть и ушел из института, но, конечно, следит за всем, что в нем делается, — ограничивается пышными телеграммами к праздникам и не пишет. Вижу, что «рост научных кадров», особенно молодых, действительно невелик; защищенные диссертации, которые Вы перечисляете, — Лубэ, Чуриловой, Аксенова — дела давние, а новых, видимо, нет?..

Нового вашего директора я совсем не знаю, так же, как и нового декана. О смерти Савельева не знал — но ведь он, кажется, давно был болен и не работал? Смерть Галины Гавриловны, быстрая и тяжелая, очень меня огорчила: я ее помнил всегда такой жизнерадостной, да и лет ей было немного. Но кругом — особенно за этот год — столько смертей (рак и инфаркт), что это уже не удивляет, а кажется естественным.

Очень жаль, что Ваша Галя, когда работала здесь, не бывала у нас... Вы очень нас обрадуете, если приедете в Ленинград и нас посетите. Когда приедете (перед поездкой сообщите мне заранее, когда будете и чем хотите заниматься в нашем Рукописном отделе), непременно тотчас мне позвоните; мои телефоны — домашний, у нас в комнате — Ж 2-70-76,

служебный, в Пушкинском Доме — А 2-60-23. Предложить Вам остановиться у нас мы, к сожалению, не можем — Вы увидите, как мы тесно живем, в одной большой, но заставленной комнате, — но устроить Вас в Дом ученых я, вероятно, мог бы.

Вот, кажется, отозвался я на все, что Вы мне сообщаете (еще одна, для Вас важная тема — Ваша дача, сад и огород; но я всегда скептически относился к таким предприятиям, зная по опыту наших знакомых, что дачи берут массу денег и, главное, сил и здоровья, а дают больше хлопот и неприятностей, чем удовольствия и пользы, да и связывает очень), на Ваш вопрос в открытке ответу особо.

Еще раз — сердечное спасибо Ксении Яковлевне и Вам за память и дружбу, сердечный привет Вам обоим от нас обоих — Наталии Александровны и меня. Передайте привет от меня Вашей Гале — помнит ли она меня? — и оренбургским друзьям, кто меня еще помнит.

Ваш Н. Измайлов

(На отдельном листке)

Отвечаю (насколько могу сейчас) на Ваш вопрос о книжке Юлиана Семенова «Дипломатический агент». Книжку эту я не знал и очень Вам признателен за указание. Книжка сама по себе — литературно-журналистическая спекуляция, рассчитанная на невзыскательный вкус любителей авантурных романов. Но основана она, как будто, на архивных документах — плохо только то, что трудно отделить подлинные документы от выдуманных, да и подлинные (поверьте мне) документы напечатаны плохо. Так, например, на стр. 103—104 фигурирует нижегородский губернатор *Буторен*. Откуда он взялся? Ведь это — Михаил Петрович *Бутурлин*, лицо известное, знакомый Пушкина, у которого в Нижнем Пушкин обедал по пути в Оренбург. Вообще, в смысле исторической и хронологической точности автор очень беззаботен (например, псевдоним А.А. Перовского не «Погорелец» (стр. 105), а Антоний Погорельский), и это подрывает доверие ко всему прочему. Любит эффекты, изображает англичан, а английский оборот не знает (офицер обращается к лорду — сэра — нужно: милорд; сэра Бернс — форма невозможная, нужно: сэра Александр и т.д.; у Виельгорских поют хор из «Гугенотов» в 1828 г. — а опера написана в 1836 г.). — Встреча Пушкина с Виткевичем в Оренбурге в 1833 г. — дело вполне возможное

(только совершенно невозможно, чтобы Пушкин и Даль называли друг друга «Саша» и «Володя»), но никаких документальных данных об этом нет; Даль не упоминает об их знакомстве. Документальных данных о Виткевиче нужно искать, очевидно, в архивах Азиатского департамента МИД (Москва, ЦГИА), в архиве III отделения (ЦГИА, ф.109), может быть, в ЦГВИА. Оренбургский архив Вы, конечно, изучили. У нас, кроме тех писем к Далю, которые Вы знаете, нет ничего. Выписку из картотеки Б.Л. Модзалевского, сделанную нашей сотрудницей О.С. Соловьевой, посылаю Вам — но Вы все это знаете. Особо меня интересует, — апокрифично или документально письмо Виткевича к Пушкину, написанное после смерти Пушкина и попавшее в III отделение (стр. 209—212)? Об этом мы запросим автора (через Издательство), но переводы из афганских поэтов — думаю — нынешние, а не Виткевича, а потому и все остальное — выдумка Семенова. Если что еще раскопаю — напишу. Всего хорошего!

Ваш Н. Измайлов

16.IX.1963 г.

Дорогой Павел Евмениевич,

сердечное Вам спасибо за Ваше теплое и ласковое письмо, хотя в нем, правда, Вы расточаете мне такие похвалы, каких я ничем не заслужил. Я получил его незадолго до конца отпуска, сразу ответить не успел, а с первого же дня возвращения к работе закрутился в делах — не всегда приятных, а часто и очень нервирующих. Поэтому с трудом выбираю ночные часы, чтобы писать письмо.

Из Вашей летней телеграммы я знал, что Вы были больны, теперь вижу, насколько это было серьезно. Очень жалею, что Ваш творческий отпуск из-за болезни вышел неудачным — неужели месяцы болезни Вам не зачтутся в смысле отсрочки представления монографии? И есть ли надежда на ее скорую публикацию? Это очень важно.

Все Ваши соображения о профессуре и о защите «по совокупности трудов» — совершенно справедливы и основательны. Получить звание профессора без докторской степени было легко до войны и в первые послевоенные годы. Теперь это становится все труднее, особенно для гуманитаров — филологов и историков. Иное дело — физики и техники, но нам по ним равняться нельзя. Я не удивлюсь, если наши пединститутские «кандидаты в профессора» получают отказ или

вопрос будет просто отложен в долгий ящик и замотан — это в ВАКе бывает нередко. Что же касается получения докторской (именно докторской, а не кандидатской) степени по совокупности трудов — то эта идея находит все больше сторонников (о ней писал Н.К. Гудзий и говорил мне лично, о том же говорил один из моих оппонентов — П.Н. Берков и т.д.). Поэтому Ваше намерение защищать «совокупность» можно только приветствовать. Но поставить такую защиту не так просто.

Нужно иметь предварительное решение ВАКа, а для этого соответствующее учреждение (какое? Меня представлял наш Пушкинский Дом, имеющий право проведения докторских защит, в нем же я и защищался; может ли представить Оренбургский пединститут — не знаю; если должен представить Институт истории АН, где Вы, по-видимому, думаете защищать — то это сложнее, и, конечно, Вам самому придется ехать в Москву проводить это дело) — так вот, соответствующее учреждение должно провести на Ученом совете и представить в ВАК ходатайство о допущении Вас к защите по совокупности, со всеми документами, с отзывом о Вашей деятельности, со списком Ваших и с самими трудами в оттисках (после разрешения ВАК возвращает все это Вам — так было со мною). «Доклад» здесь еще не нужен: он пишется, рассматривается (тем же институтом) и печатается после получения разрешения. Потом назначаются официальные оппоненты, собираются отзывы кафедр и отдельных лиц, публикуется объявление в газете — словом, проделываются все формальности, как и на защите диссертаций, так что стенограмма защиты не отличается от всякой иной, обычной, и весь диспут проходит так же. (Чтобы Вы видели, насколько это формально, посылаю Вам экземпляр объявления о моей защите в «Вечернем Ленинграде», напечатанное за 10 дней — а лучше и пораньше.) Для меня защита прошла очень легко, легче даже, чем я думал, и обратилась в своего рода юбилейное чествование, только без юбилея (и это заставит меня отказаться от празднования моего 70-летия, через месяц). Я был поставлен в трудное положение при ответе оппонентам — отвечать было почти нечего — и при заключительном слове, в котором я поминал и благодарил «наставников, хранивших юность нашу», и те коллективы, в которых работал и работаю, и дирекцию Пушкинского Дома. Я очень рад, что мой «доклад» (стоивший мне, как я Вам, кажется, писал, много трудов и мучений, т.к. у меня не было образцов и никто не знал, как его писать) Вам

понравился и принес некоторую пользу. Мои оппоненты признали его тоже удачным, — особенно П.Н. Берков.

Что касается отзыва пединститутской кафедры литературы, то в нем, к сожалению, ни слова не было сказано о моей преподавательской работе в Чкаловском пединституте. О ней написал очень хорошо и тепло Самуил Марк. Лубэ в личном отзыве, присланном нам. Теперь жду — что-то скажет ВАК. Надеюсь, он не слишком долго протянет с утверждением, хотя бы потому, что вопрос о моем докторстве уже рассматривался там предварительно.

Очень жалею, что Вы не попали в Ленинград и не повидались со мной нынче летом. Может быть, зимой или в будущем году? Если так, Вам придется вместо того, чтобы пройти 5 минут от Московского вокзала и Невского, ехать далеко, почти за город, в новый район за Московским парком Победы (которого Вы и не знаете). Ведь недели через три, в первой половине октября, мы переселяемся в трехкомнатную «собственную» квартиру в кооперативном доме (это у нас называется, пародируя О. Форш, «раздеты камнем»). Целый переворот в нашей жизни, особенно для Натальи Александровны, которая родилась в той комнате, где мы живем сейчас. Но уже очень трудно жить в одной комнате, а еще труднее — в коммунальной квартире, которая только портит нервы. С ужасом думаю о перевозке книг!

Итак, до свидания, дорогой Павел Евмениевич. Сердечно кланяюсь Ксении Яковлевне и Вам, Наталия Александровна тоже шлет привет. Оба мы желаем Вам и всем Вашим побольше здоровья.

Ваш Н. Измайлов

23.XII.1963 г.

Дорогой Павел Евмениевич,

сердечно поздравляю с Новым годом Ксению Яковлевну и Вас и желаю от души всего самого лучшего — во-первых, здоровья побольше (это главное!), во-вторых, — успехов в Вашем труде и начинаниях, т.е. получения в 1964 году докторской степени. Ничего не знаю о Вас давно. Получили ли Вы мое большое письмо с соображениями о том, как нужно действовать для постановки докторской защиты «по совокупности трудов»? Вы не отозвались — а я ждал не только письма, но и Вас самого.

С конца октября мы переселились в отдельную квартиру,

трехкомнатную, в кооперативном доме. Правда, ездить приходится далеко, почти за город, в конец Московского проспекта и еще в сторону — но независимость и удобное размещение, отдельный кабинет и прочее все восполняют. Теперь мы можем принимать у себя приезжих — имейте в виду. Буду рад иметь от Вас письмо и узнать о Вашей жизни.

До свидания! Наталья Александровна присоединяется к поздравлению и пожеланиям.

Ваш Н. Измайлов

25.IV.1963 г.

Дорогой Павел Евмениевич,

сердечно поздравляю Ксению Яковлевну и Вас с праздником 1-го Мая. Давно не имею от Вас известий. Зимой, помня Ваши намерения, ожидал Вас сюда, но так и не дождался. Между тем, февраль и март был болен, месяц даже провел в больнице, из-за осложнений после вирусного гриппа — заболели суставы (полиартрит!).

Теперь это прошло, но слабость еще чувствуется, а работа сразу по возвращении захватила меня и закрутила — притом работа большей частью редакторская, а не авторская. Редактирую сразу 5 изданий, Пушкинских и Тургеневских, и до конца года вряд ли выберусь из них. А как Вы живете? Как Ваше здоровье? Как Ваши труды? Соберетесь ли, как обещали, когда-нибудь сюда? Буду рад получить от Вас весточку, а еще больше — Вас видеть.

Желаю всего наилучшего.

Ваш Н. Измайлов

27.II.1970 г.

Дорогой Павел Евмениевич,

наконец пришло от Вас письмо, которое разъяснило все дело с «паутинками». Ваша Галя (или лучше — Галина Павловна — ведь она, как Вы мне говорили, доктор наук!) пришла в Пушкинский Дом, к сожалению, в такой день, когда я там не бываю, оставила пакет с «паутинкой» и записку — очень короткую и неопределенную — а затем позвонила мне, но опять-таки неудачно: меня не было, говорила с Натальей Александровной, и из разговора осталось неясным — одну ли она привезла «паутинку», или все три... Мы ждали Вашего письма — и вот теперь все выяснилось.

Большое, большое спасибо Ксении Яковлевне и Вам за хлопоты об этих паутинках, которые (т.е. хлопоты) оказались гораздо сложнее, чем мы думали. Наталья Александровна сердечно Вам обоим благодарна... Очень прошу Ксению Яковлевну извинить меня за хлопоты с этим «заказом». Если бы я знал, что это так сложно теперь стало, я бы никогда не решился просить об этом!..

В моей жизни готовятся несколько перемен: я решил уйти с поста заведующего Рукописным отделом Пушкинского Дома (пока меня — вспомнив о моих летах — не попросили), оставаясь старшим научным сотрудником по группе Пушкиноведения или — консультантом, если выхлопочут эту должность, которой пока еще нет. Все это будет после 1 июня. Консультантом я буду получать 0,5 докторской ставки плюс докторскую пенсию, т.е. почти докторскую ставку, но не буду иметь плана (годового) и смогу заниматься, чем хочу. В общем — пора и честь знать — мне ведь идет 77-й год!

Не думаете ли Вы летом быть в Ленинграде? Мы решили далеко не уезжать, а сняли дачу (т.е. комнату с верандой) недалеко, в Зеленогорске (это — бывшие Териоки) и хотим в июне, до отпуска, ездить туда на три дня каждую неделю. Если Вы приедете сюда — будем рады видеть Вас там — а не только в Пушкинском Доме.

Итак, до свидания и еще раз спасибо Вам — еще больше — Ксении Яковлевне, от которой ждем обещанного Вами письма.

Сердечно Ваш Н. Измайлов

16.XII.1970 г.

Дорогой Павел Евмениевич,

сердечно благодарю за последнее Ваше письмо, присланное вместе с рукописью Вашей рецензии на книгу Овчинникова. Прошу извинить меня за не очень скорый ответ, но дело в том, что Ваше предыдущее письмо, касающееся «паутинок» и других дел, каким-то образом у меня затерялось и только два дня назад, после долгих поисков, нашлось, а без него я не мог Вам ответить...

Вашу рецензию на книгу Овчинникова я прочел с интересом, но еще не знаю, где можно ее напечатать. Дело в том, что на книгу было уже четыре (!) рецензии (И.Г. Рознера в журнале «Советские архивы», 1970, № 5; Н.Н. Петруниной в «Известиях Академии наук СССР, серия литературы и языка», том

XXIX, вып. 5, 1970, стр. 451—455; В.М. Папях в журнале нашего института «Русская литература» № 3, 1970, стр. 207—211; С. Троицкого — «Новый мир» 1970, № 7, стр. 274—277 — «В творческой лаборатории А.С. Пушкина»).

Статья М. Самарина в «Южном Урале», известная Вам (это — наш студент выпуска, кажется, 1951 г., М.С. Клипиницер), является уже пятой рецензией. Газета вряд ли поместит вторую Вашу статью, а с историческими журналами у меня связей мало. Подумаю и посоветуюсь еще.

Разысканий о П.М. Кудряшеве я еще — простите — не успел сделать, т.к. был страшно занят своей статьей о «фантастической повести» 20-х—30-х гг., для нашей книги «История русской повести XIX века». Но теперь займусь Кудряшевым непременно — пользуясь теми сведениями, которые Вы дали в своей статье о революционной ситуации 20-х годов XIX в. в Оренбургском крае (Ученые записки ЧГПИ, вып. 6. 1952), и тогда Вам тотчас сообщу.

В заключение сердечно поздравляю Ксению Яковлевну и Вас — вернее: поздравляем — Наталья Александровна и я — с наступающим Новым годом и желаем всего наилучшего — прежде всего, доброго здоровья, которое в наши годы так необходимо — и успехов в Ваших научных трудах. Поздравляю и Вашу Галочку — особенно если она будет у Вас к Новому году.

Очень буду ждать Вашего ответа!

Ваш Н. Измайлов

8.XI.1972 г.

Дорогой Павел Евмениевич,

послал я Вам поздравление с праздником в Оренбург — а получил от Вас ... из Москвы! Действительно, лучше поздно, чем никогда — но я по опыту знаю, как освежают и придают бодрость такие поездки. Итак, ждем Вас теперь сюда в декабре и надеемся, что ничто Вас не задержит. А до тех пор — напишите мне из Москвы поподробнее.

У нас сейчас идут Тургеневские дни — 25—26 ноября будет здесь в Пушкинском Доме конференция, в начале декабря я, вероятно, поеду ненадолго на Тургеневскую конференцию в Берлин (ГДР) — но пока это еще не установлено окончательно.

Помните ли Вы мои телефоны: служебный А 2-67-23 и домашний К 1-05-78. А вот адрес мой Вы написали неверно, и

Ваше письмо дошло только потому, что меня на почте очень хорошо знают.

Итак, жду известий и свидания.

Ваш Н. Измайлов

23.IV.1973 г.

Дорогой Павел Евмениевич,

сердечно поздравляю Ксению Яковлевну и Вас с Майскими праздниками и днем Победы. Давно не имею от Вас известий, да и сам давно Вам не писал, был совершенно загружен делами — своими (подготовкой книги) и институтскими и запустил всю переписку. Как только немного приду в себя — напишу подробнее, а от Вас буду рад узнать, как Вы себя чувствуете и как живете (оба). Не собираетесь ли Вы летом сюда?

Ваш Н. Измайлов

9.XI.1973 г.

Дорогой Павел Евмениевич,

большое, большое Вам спасибо за Ваше хорошее и интересное, хотя во многом и огорчительное письмо. Возраст, утомление, а одновременно — большая, уже непосильная нагрузка, преподавательская и исследовательская, все вместе — ведущее к длительной болезни, а потом — и к мыслям об уходе на пенсию... Картина знакомая, и которую приходится постоянно наблюдать вокруг себя в разных вариантах. Вы, и уйдя «на заслуженный отдых», конечно, не оставили ни исследовательской работы, ни участия в научно-общественной и даже учебной жизни Института — но все же бывает всегда грустно проститься с делом и учреждением, в котором проработали, как Вы, около 40 лет (не так ли? Кстати, сообщите мне, прошу Вас, когда точно Вам исполнится 70 лет — наверное, этот день будут «отмечать» в Институте)...

Огорчило меня и то, что Вы пишете о длительной болезни Ксении Яковлевны — прошу Вас передать ей самый сердечный привет и добрые пожелания. Хорошо, что в это время с Вами Ваша Галя — буду рад узнать о ней побольше, о ее трудах и успехах в ориенталистике (ведь она — уже давно доктор и теперь, наверное, профессор?). И ей также шлю сердечный привет.

Не знал я о тяжелой болезни Самуила Марковича — давно мы не обменивались письмами. Сейчас напишу ему. А каков

молодец Иван Трифионович! К 80-ти лет защитил диссертацию и стал доктором — но теперь ему надо проработать еще сколько-то лет, чтобы иметь вождеденную пенсию в 160 рублей.

Продолжение на новом листке с водяным знаком — портретом А.С. Пушкина

Оказывается, продолжать на карточке с ледоходом на Неве — невозможно. Беру другой листок, который прошу Вас *посмотреть на свет*.

Большое спасибо за присланную Вами брошюру о Пугачевском восстании. Я тотчас просмотрел ее — в первый же свободный вечер прочитал с удовольствием и пользой. Спасибо и за Ваши добрые слова о моих статьях. Та, которая указана Вами в библиографии (хотя она едва ли того стоит) — войдет в мой сборник «Очерки творчества Пушкина», который на днях сдается в издательство «Наука», а выйдет... вероятно, в начале 1975 года.

Из Вашего письма я вижу, что Вы знаете мою статью об архивных занятиях Пушкина Пугачевскими материалами (1960 год, там же, где упомянутая Вами статья о Томашевском). Но прошу иметь в виду, что прекрасная работа Овчинникова, на которую Вы в свое время дали рецензию, мою статью перекрывает, а часто и отменяет как ошибочную. Я могу только радоваться, что направил Овчинникова на верный путь, по которому сам не успел или не сумел пройти. Буду рад, если Вы пришлете другие Ваши статьи, связанные с 200-летием Пугачевского восстания, да и программу конференции в Пединституте, о которой я узнал только недавно из письма С.А. Попова, которого Вы, наверное, знаете.

Прежнего ректора Пединститута, которого, по Вашему выразительному определению, «спихнули» месяц назад — я не знал, и его фамилии. Не знаю также и нового — Г.Ф. Шабанова; Вы пишете, что он «совсем молодой» — значит, едва ли я мог его встречать — ведь скоро будет 20 лет, как я покинул Оренбург (или по-тогдашнему — Чкалов).

В ответ на Вашу брошюру позвольте мне послать Вам отиски двух моих статей 1966 года, которые, может быть, представят для Вас интерес — если только Вы их уже не имеете. Правда, статью о «Капитанской дочке» я не считаю удачной — а статья об «Источниковедении» написана наспех, в последний момент перед сдачей книги в издательство — из-за отказа другого автора.

Вы спрашиваете о моей Тане. Она по-прежнему живет и работает в Лодейном Поле, занимается, кроме медицинской, и общественной деятельностью — уже третий раз состоит депутатом горсовета. Своим положением довольна и переезжать сюда не собирается — да и очень трудно, если не невозможно. Наталья Александровна чувствует себя бодро, хотя принуждена проходить курс лечения позвоночника: случился удар, полученный при нашей автоаварии в прошлом году в Москве.

Еще раз — большое спасибо, дорогой Павел Евмениевич, желаю Ксении Яковлевне и Вам всего наилучшего.

С сердечным приветом

Н. Измайлов

24.XII.1973 г.

Дорогие мои друзья, Ксения Яковлевна и Павел Евмениевич!

Сердечно благодарю Вас за ласковое письмо и за лестную — слишком лестную — телеграмму. В свою очередь поздравляем Вас с наступающим Новым годом и желаем всяческого блага — прежде всего, крепкого здоровья, благополучия и успехов всем членам семьи (очень бы хотелось знать о Гале).

Неожиданно для меня юбилей принес мне без малого две сотни приветствий со всех сторон и из многих стран. Я отказался от официального чествования — потому извещение (печатное) так необычно сформулировано. Все же на Ученом совете 10. XII. меня поздравляли и произнес прекрасную речь академик Д.С. Лихачев. Товарищей мы собрали у себя на вечер — было очень тесно (28 человек), но прошло очень тепло и просто, все были очень довольны. Приезжала и моя Таня и много помогла по хозяйству. Но с того же 10. XII. я стал окончательно пенсионером. Однако же бываю в Пушкинском Доме по-прежнему, раза два в неделю, продолжаю редактировать коллективный сборник статей «Стихотворения Пушкина» и пр. Мой сборник «Очерки творчества Пушкина» на днях сдается в Издательство, но выйдет, к сожалению, лишь к началу 1975 года. Начинаю работать и над «Медным всадником» для серии «Литературные памятники» АН СССР. Печатаются и еще 4 моих статьи, словом, скучать и распускаться не собираюсь.

Сейчас мое главное занятие — ответы на поздравления.

Вашу брошюру о Пугачевском восстании я прочел с ис-

тинным удовольствием и большим интересом — так она содержательна, отчетливо и ясно изложена, несмотря на запутанный и сложный материал. Впрочем, я уже, кажется, писал Вам об этом. Оренбургские товарищи и ученики по Чкаловскому ГПИ меня не забывают. Я получил сейчас ряд приветствий и очень этому рад. Жалею о тяжелой болезни бедного С.М. Лубэ — получил от него письмо, написанное дрожащей рукой, и только из него узнал, как ему было плохо, в сущности, и до сих пор.

Еще раз очень, очень благодарю Ксению Яковлевну и Вас и шлю самый сердечный привет от себя, от Натальи Александровны и от Тани. Жду Вашего письма и — надеюсь — приезда весной в Ленинград.

Всего хорошего!

Ваш Н. Измайлов

31.VIII.1978 г.

Дорогой Павел Евмениевич,

давно не писал я Вам и не имею от Вас известий. Как Вы и Ксения Яковлевна живете, как Ваше здоровье и самочувствие? Я был бы очень рад иметь от Вас весточку. Итак, жду Вашего письма.

Мы с Натальей Александровной провели лето на даче, в Зеленогорске (это — бывшее Териоки по Финляндской дороге). Лето было дождливое и холодное, мы даже рады были на днях вернуться в городскую квартиру. Здоровье и самочувствие — «нормальное», как принято говорить, хотя я из-за давней болезни ног не могу много ходить (хожу с палочкой и, чтобы не попадать в толчею городского транспорта — автобусов и метро — принужден для поездок в Пушкинский Дом и пр. брать такси или вызывать служебную машину).

Моя книга — научное издание «Медного всадника» со всеми материалами и исследованиями, объемом в 18 печ. листов — должна скоро выйти, но не знаю, когда это будет — ведь в нашем издательстве «Наука» последние этапы перед выпуском в свет всегда очень затягиваются. Когда выйдет — не премину послать Вам экземпляр.

В ожидании этого — у меня теперь в работе относительное затишье. На Пушкинской конференции 2.VI. я выступал с докладом о принципах нового (предполагаемого) Академического издания сочинений Пушкина. Он вызвал живой интерес

и будет напечатан в очередном Пушкинском сборнике. Что из этого практически выйдет — не знаю.

Получил я (еще летом) приглашение из Оренбурга на Пушкинскую конференцию в сентябре, к 145-й годовщине приезда Пушкина в Оренбург. Если бы существовала прямая авиалиния Ленинград—Оренбург, я бы, пожалуй, и приехал — но пришлось поблагодарить и отказаться.

Недавно же принесли мне программу конференции с массой незнакомых имен (у меня ее сейчас нет — я передал ее в Пушкинский Дом, которому почему-то ни приглашения, ни программы не прислали). Был очень рад увидеть в ней Ваше имя (а почему нет имени И.Т. Изотова?), но кое-что меня удивило — в особенности доклад М.Л. Нольмана (из Костромы) о «спорах» вокруг стихотворения «В прохладе сладостных фонтанов», 1828». Никакого отношения к приезду Пушкина в Оренбург и к его творчеству 1833 года («истории Пугачева, «Медному всаднику» и пр.) эта тема не имеет. А в чем заключаются «споры» — Вы можете посмотреть — и я Вас прошу об этом — в моей книжке «Очерки творчества Пушкина» (она у Вас имеется), на стр. 135—136 и 165—173. К этому я должен добавить, что Нольман, человек очень нетерпимый к чужим мнениям и критике его мнения другими, считает меня своим личным врагом (!). К чему видит основание в том, что я своим отзывом о его докторской диссертации, направленным в ВАК, задержал ее утверждение (т.е. утверждение его в докторской степени) более чем на год. Откуда он узнал о содержании моего отзыва (что, как Вы знаете, является секретом) — не знаю. Весной 1976 года Вы дали о моей книжке — «Очерки творчества Пушкина» — прекрасный отзыв в газете ОГПИ «Народный учитель», за который я Вам очень благодарен. И надеюсь, что Вы сочтете возможным вступить за меня, если г. Нольман поведет себя уж очень развязно.

Ну, вот, кажется, и все. Наталья Александровна и я шлем сердечный привет Ксении Яковлевне и Вам и желаем всего лучшего, буду очень рад иметь от Вас весточку и узнать, как прошла конференция. Да не соберетесь ли Вы в Ленинград?

Сердечно Ваш Н. Измайлов

P.S. Мы с Натальей Александровной решили, что Нольман характером и поведением очень напоминает В. Корчного («претендента»). Это сходство Вам вполне уяснит, что он собою представляет.

**ПУШКИНИСТ
Н.В. ИЗМАЙЛОВ**

**В Петербурге
и Оренбурге**

«ЗОЛОТАЯ АЛЛЕЯ»

КАЛУГА
2008